
МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ

КУЦЕНКО Флорина Павловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия
Florina P. KUTSENKO
Cand. Sci. (Russian Language), Assoc. Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ist_rus_lit@mail.ru

Федор Gladkov: письма на Кубань

Публикация содержит письма русского советского писателя Федора Gladkova (1883-1958) кубанским историкам Григорию Чучмаю и Якову Куценко. Уникальные материалы, впервые вводимые в научный оборот, посвящены главным образом личным воспоминаниям Ф. А. Gladkova о дореволюционном периоде его жизни и творчества. Основное внимание автор писем уделил развитию революционного движения в Кубанской области и Черноморской губернии в начале XX в. Публикуемые тексты также дают определенное представление о социально-политических дискуссиях и идеях, распространенных в то время среди представителей провинциальной интеллигенции Юга России.

Ключевые слова: Федор Gladkov, письма, литература, газета «Кубанские областные ведомости», библиотека, школа, учитель, освободительное движение.

Fyodor Gladkov: Letters to Kuban

The publication contains some letters by Russian Soviet writer Fyodor Gladkov (1883-1958) to the Kuban historians Gregory Chuchmay and Jacob Kutsenko. Unique materials, introduce into scientific discourse for the first time, are devoted mainly to Gladkov personal memories of a pre-revolutionary period of his life and work. Main author's attention is paid to the development of the revolutionary movement in the Kuban region and the Black Sea province at the beginning of the 20th century. Published texts also give some insight into the socio-political discussions and ideas prevalent among the provincial intellectuals of the Southern Russia at that time.

Keywords: Fyodor Gladkov, letters, literature, newspaper «Kuban regional vedomosti», library, school, teacher, liberation movement.

Письма пролетарского писателя Ф. Gladkova, которые мы здесь публикуем, взяты из личных архивов кубанских историков Григория Титовича Чучмая и Якова Ивановича Куценко. Подлинные документы «перележали» несколько вершинных, исторических этапов

своей предпочтительной востребованности. Они бы очень пригодились в советское время. А сейчас? На этот вопрос можно сказать твердое «да!». Ведь жизнь литератора, его творчество тесно связаны с нашим краем. Здесь он вырос, учился, потом учительство-

вал (1914–17 гг.), редактировал газету «Красное Черноморье» (1920 г.). В 1925 г., вдохновленный первыми преобразованиями, создал роман «Цемент» [1] – о Новороссийске, новом человеке труда. Четвертый недописанный том авто-биографической тетралогии, создававшийся Гладковым в самом конце жизни, рассказывает о годах, проведенных в дореволюционном Екатеринодаре. Жизнь и творчество этого яркого деятеля своего времени – неотъемлемая часть нашей кубанской истории и литературы, представляющая большой интерес для современников¹.

Шесть писем Ф. Гладкова 1950-х годов

Письмо 1. Июнь 1955 г.

Товарищу Чучмаю Г. Т.

В своем письме т. Куценко указал, что все листовки Ейской СДРП летом 1906 года (а не 1905 г.) писал я, т. е. в июне-августе. Печатались они на гектографе одного из товарищей – юношей-студентом (а м. б. и гимназистом-выпускником). Я забыл уже. Конечно, восстановить в памяти текст, приложенной Вами прокламацией «К рабочим и гражданам Ейска» невозможно: ведь прошло 50 лет. Думаю, что эта прокламация написана мною, п. ч. на каждом заседании руководство группы, возглавляемой И. Санжуром, текст прокламации поручался мне. Текст их проверялся на очередном собрании.

Из текста моего письма к т. Куценко видно, что в Ейск я приехал с Санжуром в июне 1906 г. (в 1905 году я выехал из Забайкалья в Тифлис, а только поздней весной 1906 г. оставил Грузию). Или вы прочли неверно это место, или я нечаянно сделал опisku, чего не допускаю.

Вот и все, что могу ответить на Ваше письмо.

Всего доброго. Федор Гладков.
2-VI-55

¹ К сожалению, формат данной публикации не позволяет привести на страницах журнала факсимильные копии публикуемых здесь писем Ф. Гладкова в полном объеме. С ними, тем не менее, можно ознакомиться по ссылке: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/Pisma_Gladkov.zip (копии страниц писем приведены в формате jpg и заключены в архив zip) – прим. ред.

Письмо 2. Январь 1957 г.

Москва, 20 января 1957 г.

Уважаемый товарищ Чучмай!

Очень благодарен Вам за дорогой для меня подарок. Надеюсь, что очередная Ваша работа не минует меня.

Вы ошибаетесь, полагая, что писатели не пользуются документальными материалами, полагаясь на какое-то особое «проникновение в прошедшие эпохи». Работая над своей биографической эпопеей, я изучал и изучаю большое количество исторических материалов от документов до газет и поэзии. Да и сейчас я пытаюсь собрать материалы второй половины девяностых годов и за время до 1906 год включительно. Четвертый том моего труда в большей своей части посвящен именно этому периоду Екатеринодарского моего житья-бытья. Если в Вашем распоряжении есть материалы, касающиеся рабочего движения и подпольной революционной работы тех лет, не откажите сообщить мне.

В Вашем документальном сборнике я не нашел листовок / прокламаций, которые распространялись РСДРП в Ейске в 1906 году. Впрочем, в Вашей книге есть упоминание о многолюдном митинге в Ейске по случаю разгона 1-й Думы, но это только один из многих фактов революционной работы в этом городе.

Я приехал туда из Тифлиса вместе с известным большевиком Иваном (Ильей) Санжуром весной 1906 г. уже вполне сложившимся большевиком. Там я активно включился в работу организации: вел два кружка, выступал на митингах и писал прокламации. Все листовки, которые выпускались с мая до августа, писал только я. Они обсуждались в комитете и потом печатались на гектографе. Санжур, как крепкий и авторитетный организатор, быстро привел в порядок организацию, которую разболтали меньшевики. Тогда же под руководством И. Санжура была успешно проведена забастовка портовых рабочих. По-моему, это немаловажные события в кубанском революционном движении и, в частности, в Ейской партийной организации того времени. Неужели нет в архивах никаких документов об этом ейском периоде?

В конце июля или начале августа мы с Санжуром выехали из Ейска, спасаясь от аре-

ста: он – в Ставрополь, а я – в Забайкалье, где я учительствовал <...>. В конце 1906 года я был арестован в Сретенске, преследуемый охранкой, и водворен в Иркутский централ (это мое тюремное заключение отражено в повести «Старое секретное»). Будучи в ссылке, я в 1908 году прочел в одной из Петербургских газет известие о трагической гибели Санжура: нашлись прохвосты, которые обвинили его в провокаторстве, потрясенный, он принял большую дозу серной кислоты. Но в этот же день был реабилитирован, а клеветники разоблачены. Его близко знал И. И. Степанов-Скворцов и был высокого о нем мнения.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы потрудились разыскать документы о работе Ейской организации того времени и о результатах уведомили меня.

Желаю больших успехов в Вашей плодотворной работе.

С приветом, Федор Гладков.

P. S. Если Вам нужны будут какие-нибудь справки, разъяснения и уточнения с моей стороны для последующей Вашей работы, прошу писать мне.

Письмо 3. Март 1957 г.

Москва, 2 марта 1957 г.

Уважаемый товарищ Чучмай!

Благодарю Вас за присылку материалов: они, возможно, пригодятся для дальнейшей моей работы.

Илья (Иван) Санжур – уроженец Ейска. Приехал в Ейск к старику-отцу, который зарабатывал себе на хлеб продажей газет, а нелегально распространял листовки и революционную литературу. Хотя он в кружках и собраниях не принимал участия, он известен был как большевик. Я многое забыл о ейских делах, но думаю, что упоминаемые в документах и в Вашем письме Санжура были близкие люди мне. Забыл также и фамилии членов ейских организаций. Впрочем, помню некоего Попова, студента Лопату, молодую тогда девушку Бураго. Попов и Бурого считали себя большевиками. Лопата был

меньшевик. Организация была объединенной, существовали только фракции.

Куценко прав: Дубовской (а не Дубоский).

Вениамин Сераф. Попов – родной брат писателя Серафимовича. Я по-знакомился с ним в Москве у Серафимовича.

Кстати, в конце девяностых годов в Екатеринодаре уже функционировали подпольные кружки, а руководили ими и местные жители-студенты; и приезжие. Один из таких студентов приходил к нам на Дубинку, к молодому, очень развитому рабочему, послужившему прототипом Степану Ивановичу из моей «Мятежной юности». Я был еще зеленым юнцом, конечно, не знал, куда они уходили и что делали. Но среди рабочих говорили открыто, что у Степ. Иван. и студентов (их, очевидно, было несколько) есть за Кубанью, в зарослях, секретное потайное место, где собираются их дружки-рабочие с мельниц и железн[ой] дороги. Отец мой говорил: «Допрыгаются, дай срок. Закуют их и угоняют в Сибирь». Екатеринодар был город тихий, патриархальный. А рабочие в большинстве были связаны с деревней. На железной дороге рядовые рабочие не имели общения с квалифицированной «аристо-кратией» – с машинистами, обер-кондукторами (некоторые из них имели собственные дома и жили в достатке). Но все-таки по-пролетарски крепкой силой были железнодорожники и рабочие завода Гусника. Так что для рево-

Мемориальная доска на здании бывшего Екатеринодарского городского училища (ныне - Краснодар, ул. Ленина 46), где учился Ф. В. Гладков

Письмо 4. Июль 1957 г.

люционной интеллигенции почва для пропагандистской работы была благоприятная. И все же когда промышленники однажды понизили расценки, а потом остановили заводы и выбросили рабочих на улицу, ни протестов, ни забастовок не было. Я учился в городском 6-тикл[ассном] у[чили]ще и вместе с семьей, голодая жестоко: мы питались в <...> на Старом базаре или в трактире среди босяков. Весной и летом безработные приходили в станицы и нанимались на полевые работы. Все это очень потрясло рабочих, и у них копилось недовольство и бунтарские настроения. Я знал отдельных рабочих, которые настроены были весьма революционно. И что характерно: в областн[ом] войсковом управлении был <...> чиновник, который одним из первых знакомил меня с марксизмом. Мы часто уходили с ним в городской сад и уединялись в дальних пустынных аллеях. И он усидчиво поучал меня, прикрывая лицо широким козырьком на ободранном картузе. Тогда, очевидно, и воздух был насыщен марксизмом. А вот в 1900–02 г. горячие споры марксистов с эсерами происходили ежедневно в библиотеке им. Пушкина. Лидером эсеров был завед[ующий] библиотекой И. А. Кузнецов, а <...> марксисты были студенты. Вот в это-то время и поднимается волна пропаганды и агитации марксистов и организация революционных кружков.

Если у Вас есть возможность поделиться со мной документами этой эпохи, прошу выслать мне их.

За 50 лет много пережито. Не удивительно, что забыты и фамилии товарищей по работе того времени и даже некоторые события. Например, прекрасный товарищ, сильный работник – большевик, который у нас в 90-ые г. один печатал на гектографе листовки и в конце того (1906 г.) был осужден на каторгу, забыт мною по фамилии. А ведь ни фамилии, ни адресов тогда иметь при себе нельзя было. Очень трогательно: среди присланных Вами документов я обнаружил небольшую ейскую прокламацию. Я убежден, что текст ее принадлежит мне – тогда поручалось обычно мне, как литератору, писать листовки. Правда, иногда писали и другие, но редко.

Желаю Вам всего доброго.

Федор Гладков.

Москва, 30-VII-57

Я очень благодарен Вам, дорогой товарищ Чучмай, за внимание к моей <...> просьбе и прошу Вас извинить меня за доставленные Вам труды. Но нет худа без добра: м. б. эти Ваши изыскания и Вам, как историку, небесполезны.

Должен сообщить Вам, что [в] моё время (1896–1902), хотя я был ещё зелёным юнцом, среди рабочих, в массе своей ещё тёмных и полуграмотных, революционную работу интеллигенция заметно не вела. Но отдельные рабочие, которые наезжали из Ростова, Бахмута, с Волги (Саратов, Самара), отличались начитанностью и классовым сознанием. Одного из таких рабочих, которого я знал близко, я пытаюсь изобразить в 4-м т[оме] моей автобиограф[ической] эпопеи («Мятежная юность»). По окончании гор. 6-тикл[ассного] училища и педагогич[еского] класса я около года работал в публичной библиотеке помощником библиотекаря. Зав. библиотекой был очень образованный человек, сам литератор, Иван Александрович Кузнецов (если не забыл), жена его, Софья Павловна (оба из Самары) тоже работала библиотекаршей. Оба были соц[иал]-револ[юционерами]. Их ближайшим товарищем и единомышленником был адвокат Ширский, который впоследствии был одним из вожаков краснодарских эсеров. И вот осенью и зимой 1901–1902 года в библиотеке после работы собирались интеллигенты и вели бесконечные дискуссии. Среди марксистов я хорошо помню бородатого студента Беликова, приходил и мой Степан Иванович (герой «Мятежной юности»). Они с Беликовым держатся заодно. Спорили они особенно яростно с Кузнецовым и Ширским. А я тогда же из этих дискуссий научился многому, о чем и не догадывался.

В том же 1902 году летом я впервые ходил с Степ[аном] Ивановичем на малолюдную массовку далеко за Кубанью, в заросли мелко-лесья.

Пишу это для того, чтобы историки революционного рабочего движения не забывали, что и в Екатеринодаре в те дни шла подпольная работа и, очевидно, были и рабочие кружки. Надо только не оставлять поисков да и потревожить воспоминаниями и стариков.

Еще раз прошу прощения за доставленные Вам досадные хлопоты и благодарю за внимание. Будьте здоровы.

С коммунистическим приветом, Фед. Гладков.

Вы не сообщили своего имени-отчества.

Письмо 5. Март 1958 г.

9-III-58 г.

Дорогой товарищ Чучмай, посылаю Вам случайно сохранившуюся фотокарточку от весны 20-го года, а м[ожет] б[ыть] от зимы, когда я был членом Окружкома и редактором «Красн[ого] Черноморья» после отзыва из Кр[асной] армии. Других, лучших снимков у меня нет. Спасибо Вам за присылку документальных материалов; они очень еще пригодятся.

Ваш Фед. Гладков.

Вы не сохранили Ваших отчетов?

Извините за почерк: я болею.

Письмо 6. 1958 (?)

Уважаемый товарищ Куценко!

В Екатеринодаре я жил с 1895 по 1902-й год на Дубинке, где ютились тогда рабочие паровых мельниц Паласова, Боброва, железнодорожники, маслобойных и стекольных заводов. Отец мой работал на мельнице Паласова. В 1896 году меня определили «мальчиком» в аптекарский магазин на Красной улице, но оттуда я вскоре бежал от побоев (особенно старухи-хозяйки), потом работал (тоже «мальчиком») в литографии – тоже на Красной улице. Вскоре и отсюда сбежал, отравленный бензиновыми парами. В том же году работал учеником в типографии Кубанского обл[астного] правления на Красной ул[ице] и пожарной команды. В этой типографии печаталась газета «Кубанские областные ведомости». Осенью мне удалось поступить в 3-й класс Александровского (а не Алексеевского) городск[ого] 6-тикласс[ного] уч[илища] на углу Соборной пл[ощади] и Бурсаковской ул[ицы]. Возглавлял это училище инспектор Аркадий Аркадьевич Измайлов. Из учителей наибольшее влияние оказал на меня Степан Иванович Фатьянов, человек образованный, прогрессивный и глубоко человечный. Он прекрасно

Ф. В. Гладков (слева) и Л. М. Мельников, Ейск, 1906 г.

вел педагогический класс при училище. Умер молодым (в 900 годах) от туберкулеза. Он первый обратил внимание на мои литературные упражнения и связал меня с редактором «Куб. обл. Вед.» (неофициальной части) Л. М. Мельниковым. Окончил я это училище и педагогический класс при нем в 1901 году, получив диплом учителя начальн[ого] училища с правом преподавания в 2-хклассных училищах.

Первый свой рассказ («К свету») я через С. И. Фатьянова передал в газету Л. М. Мельникову весной 1900 г. Л. М. Мельников приласкал меня и напечатал рассказ в газете перед выпускными экзаменами в гор[одском] училище. Кажется, в том же 1900 году напечатан был второй рассказ «После работы». В 1901 и 1902 годах в «Куб[анских] обл[астных] Вед[омостях]» было напечатано еще несколько рассказов. После окончания училища работал помощником библиотекаря в гор[одской] публ[ичной] библиотеке. Тогда она помещалась во флигеле, во дворе на Соборной площади, рядом с женской гимназией. Заведовал библиотекой народник И. А. Кузнецов.

Осенью 1902 г. я уехал из Екатеринодара в Забайкалье (я сильно болел <...> малярией и по совету врачей должен был переменить

климат). В Забайкалье проучительствовал 3 года и в 1905 году выехал в Тифлис для поступления в учительский институт. Но революция 1905 г. целиком захватила меня, хотя я и успел все-таки экстерном выдержать экзамен на звание учителя городского училища. К подпольной революционной работе я привлечен был еще в Забайкалье: выполнял кое-какие задания Читинского ПК – главным образом по распространению прокламаций РСДРП (б). Вместе с видным тогда большевиком Ильей Санжуром, с которым я сблизился в Тифлисе, выехал в его родной город Ейск и там под его руководством активно работал в с[оциал]-д[емократической] организации, которую Санжур сумел крепко сплотить и выправить. Все листовки тех дней писались мною, а печатал их на гектографе один беззаветно преданный партии юноша. Избегая ареста, я и Санжур уехали из Ейска, он – в Ставрополь, а я – опять в Забайкалье. В Сретенске, будучи учителем гор[одского] училища, я вскоре был арестован по жандармск[ому] розыску и как один из активных организаторов большевистской группы, которая вела работу среди железнодорожных рабочих, грузчиков, учителей и торговых служащих. С Читинской партийной организацией группа была связана и руководилась т. Губельманом, членом парт[ийного] обл[астного] к[омитета], братом Е. Ярославского. Я отправлен был в Иркутск[ий] централ, а оттуда через полгода – направлен в ссылку в Верхноленский уезд. После ссылки очутился в Новороссийске, где не нашел и признаков револ[юционного] подполья. Однако, я лично завязал связи с рабочими цементного завода и организовал группу учащейся молодежи в гор[одском] уч[илищ]е, где я читал лекции в педагогических классах. Пригласили меня для методической работы бывший мой учитель по Екатеринодарскому гор[одскому] 6-тикласс[ному] училищу – Г. С. Метеник (заведующий училищем) и инспектор народных училищ Рукавишников, который почему-то питал слабость к политич[ески] «неблагонадежным»

Краснодарские адресаты Ф.В. Гладкова.

Слева направо: Яков Иванович Куценко, заведующий архивом Краснодарского крайкома КПСС; Григорий Титович Чучмай, старший научный сотрудник Государственного архива Краснодарского края.

учителям. Он как-то проговорился, что таких учителей считает наиболее талантливыми и работоспособными.

В 1904 году я назначен был заведующим высш[им] нач[альным] училищем в ст. Павловской, где добился открытия через год реального училища (а не прогимназии), директором которого выдвинул Д. Е. Козюпу, кончившего к тому времени Петроградский университет.

После февральской революции я был одним из организаторов станичного Совета рабочих и казачьих депутатов, а после Октябрьской Социал[истической] революции – активно участвовал в организации Советской власти и станице и был избран заместит[елем] комиссара по просвещению (комиссаром избран казак-фронтовик). Под руководством покойного А. И. Хмельницкого (впоследствии народн[ого] комиссара юстиции Сов[етской] Украины), активно участвовал в проведении съезда учителей Ейского отдела. Резко враждебное отношение ко мне (большевику) казаков и реакционной части учителей (ободренных напором денкинецев), которое выразалось в откровенных угрозах и даже в стрельбе по окнам, вынудило меня уехать в Новороссийск. В Краснодаре я членом Совета рабочих депутатов не был. В Краснодаре я был на съезде Советов, но в 1918 году.

Милостивому Куренко Т. М.

В своем письме Т. Куренко я
указал, что все исследование Есенин
сделано летом 1955 г. (а не 1950 г.)
т.е. в июне-августе.
Поэтому она на эхраниру
сделаю из реверсивной-роман-
тизации (а не из романа)
возвращением. Я хотел уже.
Кажется, в настоящее время
мне и Куренко в том про-
кламе, к которой вы обратились
еще недавно: ведь Куренко 50 лет.
Думаю, что тогда прокламация
Самуилова п.т. на Кубань
руководителем, возмездием
и. Сидорова, ^{мне} прокламация
мне. Мне не придется на верном
суде.
Из текста письма к Т. Куренко

Копия текста первого листа письма 1 (Июнь 1955 г.)

Кстати, с моими анкетами того времени прошу не считаться; в них есть вынужденное, по внушению, ложное указание на отношение к меньшевизму. В дни юности мы в большинстве своем очень путались в аграрном вопросе и не могли толком разобраться в теории рен-

ты. Муниципализация, национализация, социализация – это были для нас, еще <...> зеленых невежд, темные дебри. Мы, марксисты, знали только одно, что социализация – это эсеровщина. Я читал «Аграрный вопрос» Каутского и Маслова, и мне казалось, что Маслов в виде

временной меры подходит к решению вопроса о земле убедительно. А национализация при самодержавии и капитализме была невозможной, да ее пропагандировали трудовики. И только перед освобождением из ссылки один студент, образованный марксист, разбил муниципализацию в дребезги, а меня пристыдил: как это я при большевистских убеждениях смог примириться с масловским мелкобуржуазным оппортунизмом в аграрном вопросе. Мои товарищи в Новороссийске, тоже весьма не сведущие и наивные в вопросах теории, внушили мне, что раз я стоял на точке зрения муниципализации, то тем самым я стоял на платформе меньшевизма, несмотря на ленинские убеждения. И я с мучительным насилием над собою обозначил, что имел отношение к меньшевикам. Потом уже при изучении истории нашей партии я видел, что среди большевиков были и беспрограммники и часть принимала муниципализацию. Эта моя ошибка стоила мне дорого. И уже здесь, в Москве, мои бывшие товарищи по сибирской революционной работе очистили меня в ЦКК от скверны, которую я нагородил на себя.

Итак, литературную свою деятельность я начал в Екатеринодаре с 1900 года и первым моим руководителем и наставником был Лука Мартынович Мельников, редактор неофициальной части «Обл[астных] Вед[омостей]». Вспомнить о нем и отдать ему должное в истории Краснодара было бы весьма желательным. Он был в ту пору одним из самых образованных и прогрессивных людей в городе. Сам

литератор, он писал много о Кубанском крае. Из его трудов напому такие, как «Интеллигентный черноморец 40-х годов» (о дневниках Золотаренко), как «В предгорьях Майкопского отдела», как большой историко-литературный очерк о дружбе Т. Шевченко с ген. Кухаренко (кубанцем), как статьи о Белинском и пр.

Немало помогал мне, юному, начинающему писателю, Ник. Ник. Канивецкий, местный беллетрист. Его юмористические рассказы печатались в тех же «Куб[анских] обл[астных] Вед[омостях]» – единственном периодическом органе на Кубани. Рассказы были потом изданы самим автором отдельной книжкой, под общим заглавием «Из былого Черноморья». Один из его рассказов («На вершок от счастья») напечатан был в Миролубовимом в «Журнале для всех» в 1901 году. Но Канивецкий был резкой противоположностью Мельникову; это был сибарит и эстет.

Д. Е. Козюпа был один из близких мне друзей. Защитив в начале 30-х годов диссертацию на степень кандидата биологических наук, он преподавал в ВУЗах (не помню где), потом перед войной работал в Краснодаре. При захвате фашистами города, был схвачен и погиб где-то по дороге вместе с другими пленниками. Об этом рассказывали мне жена его и сын, которые проживают в Москве.

С коммунистическим приветом Федор Гладков.

Р. S. В 4-ом томе моей автобиографич[еской] эпопеи я подробно живописую Екатеринодар периода моей юности.

Использованная литература:

1. Гладков Ф. В. Цемент. М.- Л.: Земля и фабрика, 1927.

References:

1. Gladkov, F. V., *Tsement* (Cement), Moscow-Leningrad: Zemlya i fabrica, 1927.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Куценко, Ф. П. Федор Гладков: письма на Кубань [Электронный ресурс] / Ф. П. Куценко // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 81-88. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kutsenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Kutsenko, F. P., Fedor Gladkov: pis'ma na Kuban' (Fyodor Gladkov: Letters to Kuban), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 81-88. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kutsenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.